

СВОБОДНАЯ

МЫСЛЬ

2012

№ 1/2 (1631)

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА

Секреты «цветных революций»

Современные технологии смены политических режимов

Какую же ты хочешь последнюю революцию?
Последней – нет, революции – бесконечны.

Евгений Замятин. Мы.

В условиях глобализации мир не стал более стабильным и предсказуемым. Наоборот, его главными характеристиками стали турбулентность, состояние хаоса и возросший потенциал конфликтности. Важнейшим проявлением сжатия «тисков турбулентности»¹ стали события, произошедшие в 2011 году в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока. Получившие название «арабские революции», эти события далеко не случайность, тем более — не стихийный протест «грезящих о демократии», а следствие реализации конкретных проектов по глобальному переустройству мира. Одним из способов и технологий осуществления таких проектов являются «цветные революции» (ЦР), в зависимости от ситуации подаваемые как «оранжевые», «тюльпановые», «жасминовые» и т. п. Это утверждение, к великому сожалению, не имеет ничего общего с модой на конспирологию. Оно базируется на конкретных фактах, о которых и пойдет речь. Ниже, не вдаваясь в анализ сложнейшего комплекса внутренних

и внешних факторов, которые лежат в основе любых революций, остановимся на сути и технологиях ЦР как особого феномена протестного движения.

Специфика «цветных революций»

В политическом дискурсе под «цветными революциями», как правило, понимается «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций»². Есть и более «жесткие» определения ЦР. Например, «цветная революция» — это «*государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, силами “цветного” движения*», как правило «в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств,

¹ См. **Е. Г. Пономарева**. В тисках турбулентности. — www.mgimo.ru/news/experts/document218672.phtml

² **Г. Почепцов**. Революция.com: Основы протестной инженерии. М., 2005. С. 11.

общественных или коммерческих организаций (курсив мой. — *Е. П.*)»³.

Конечно, сам по себе факт наличия интересов внешних игроков ни в коей мере не отрицает определенных внутренних факторов и причин таких революций. Более того, как показывает историческая практика, массовые уличные протесты, поддержка оппозиционных движений, стремящихся к смене режима, из-за рубежа присутствуют в любой революции. Так в чем же заключается специфика ЦР?

Директор Института политических исследований С. А. Марков акцентирует внимание на технологической природе «цветных революций», понимая под ними «новый тип политических технологий по смене политической власти»⁴. Анализируя эволюцию революционных движений начиная с конца XIX и до начала XXI века, можно утверждать, что ЦР — это высокотехнологичный продукт эпохи глобализации, который стал возможен только по достижении человеческим сообществом определенного уровня развития во всех сферах (науке, экономике, средствах связи и коммуникации и др.). Еще одной существенной характеристикой ЦР является то, что она представляет собой «комплекс процессов, имитирующих социально-политическую революцию»⁵. Иными словами, ЦР — это симулякр революции. И вот почему.

Во-первых, классические революции XIX—XX веков «на своем начальном этапе не являются ни чисто политическим, ни экономико-политическим процессом, но представляют собой, прежде всего, *идеологический*

и духовно-нравственный переворот, происходящий вначале в общественном сознании, в «системе ценностей» основной части общества и только затем — в его общественном бытии (курсив мой. — *Е. П.*)»⁶, то есть в перестройке его социально-политических и экономических институтов после захвата власти революционной партией или коалицией. Что же касается России, то в нашей стране духовно-нравственная, идейная сторона революции понималась и воспринималась особенно ярко и болезненно. Именно уникальность культуры, мировосприятия и мировоззрения российского социума определила отношение к революции как к «феномену религиозного порядка» (Н. А. Бердяев), как к «духовному детищу интеллигенции» (С. Н. Булгаков), как к акту метафизическому и религиозному, «происходящему, прежде всего, в душе каждого человека» (Ф. М. Достоевский).

Иными словами, сущность революции в ее традиционном понимании содержится в *особой идее, новой идеологической доктрине*, формирующей высшие ценности и верховный смысл существования человека, в *новом историческом проекте*, практическая реализация которого и есть революция, революционный процесс. С этой точки зрения «цветные революции» не имеют и даже не предполагают не только никаких *великих идей*, но и идей просто *новых* — новых даже для самих стран, в которых эти революции совершаются. Это либо известные уже всем идеи западной либеральной мысли (может быть, в более радикальной форме), либо радикальные проекты, имевшие место в религиозных доктринах, прежде всего в исламе. Таким образом, ЦР — это процесс *безыдейный*.

³ М. П. Остроменский. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям. — www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983/

⁴ С. Марков. Цветная революция — это новый тип политических технологий по смене политической власти. — www.km.ru/glavnoe/2005/11/15/arkhiv/

⁵ А. Гапич, Д. Лушников. Технологии цветных революций. М., 2010. С. 14.

⁶ О. Ф. Фефелова. Революционные трансформации на постсоветском пространстве в контексте развития политического процесса. Автореф. дисс. к. п. н. М., 2010. С. 16.

Во-вторых, особенностью ЦР является отсутствие условий, принципиально важных для революции «классической». Как известно, «революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции»⁷. Автор этих слов — В. И. Ульянов (Ленин) — указывал на три главных признака революционной ситуации (далее курсив везде мой. — *Е. П.*):

«1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис “верхов”, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому;

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов;

3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в “мирную” эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими “верхами”, к самостоятельному историческому выступлению»⁸.

Короче говоря, по верному замечанию С. В. Копонев, «настоящую революцию невозможно спроектировать искусственно, когда народ к ней не готов. Можно произвести бунт, переворот или даже имитацию революции, а вот по-настоящему эволюционная революция происходит только тогда, когда созрели основные массы или хотя бы критическое их количество»⁹,

то есть сложилась революционная ситуация.

Впрочем, как уже отмечалось выше, отнюдь не всякая революционная ситуация приводит к революции. Дело в том, что революция возникает «лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется *субъективная*, т. е. способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не “упадет”, если его не “уронят”»¹⁰.

Так вот, ни в одной из стран, где апробировались технологии ЦР, революционной ситуации не было. Достаточно посмотреть уровень жизни в этих странах, а также на катастрофические социально-экономические и политические последствия революционных «завоеваний», чтобы сделать вывод об инспирированности произошедших изменений. В то же время нельзя от-

Ни в одной из стран,
где апробировались
технологии цветных
революций, революционной
ситуации не было.

рицать того, что для успеха ЦР необходим все-таки момент наибольших трудностей, с которыми сталкиваются те или иные правительства, — резкого или длительного и явного ухудшения его экономического или политического положения (проигрыш войны, международные санкции, экономический кризис и т. д.). Кроме того, не было в странах, подвергшихся «цветной» атаке, и революционного *класса*, способного не просто смести правительство (это-то, как раз очень просто сделать),

⁷ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. — Он же. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

⁸ Там же.

⁹ С. В. Копонев. Феномен оранжевых-бархатных революций в контексте эволюции сознания и политтехнологий. — www.psyfactor.org/lib/koponev.htm

¹⁰ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. С. 219.

но заменить его, то есть представить новую программу действий, проект развития.

Итак, важно понимать, что *«цветные революции» не ставят важнейшую для классических революций цель — изменения политического строя и форм собственности, то есть всей социальной системы. Они «заточены» лишь под смену политических режимов.* С этим связана третья особенность ЦР. Пристальное внимание следует обратить на то, что среди факторов неудачи и провала «цветной революции» ключевым является «наличие решительного и твердого главы государства, не стесняющегося “употреблять власть” и пресекающего любые незаконные и провокационные акции “цветных” революционеров, даже и относительно массовые»¹¹. Иными словами, *развитие «цветного» революционного процесса происходит в условиях «ненасильственного» перехвата власти у того правительства, которое не решается его воспользоваться или останавливается перед употреблением легитимного, но при этом относительно массового насилия* (разгон несанкционированных митингов, протестных шествий и т. п.). Сила законной власти в целом и национального лидера, в частности, заключается также в наличии верных и преданных силовых структур, которых нельзя ни запугать, ни перекупить. Не менее, а, может быть, даже более значимым является исключительная уверенность в своей правоте, законности и легитимности.

Но это еще не все. Любая, даже экспресс-революция предлагает своего лидера, этакого знаменосца протеста. С этой целью должно произойти *укрепление блока всех оппозиционных партий.* В результате появляется фи-

гура лидера, не запятнанного ни сотрудничеством с прежним режимом, ни открытым (это особенно важно) сотрудничеством с Западом. В силу чего правящий режим сталкивается с единым фронтом оппозиции, который очень сложно расколоть. Если же единения оппозиции не происходит, то «революция» затухает и постепенно переходит в стадию протестов маргинальных сил.

В-четвертых, это экспрессивный и молниеносный характер действий «цветных» революционеров. За счет массивного применения финансовых ресурсов и информационных технологий срок подготовки свержения режима удается сократить до полутора-двух лет. Таким образом, не нужно заниматься изнуряющей, растянутой на несколько поколений работой по подрыву режима, втягивать страну в гонку вооружений или изматывать противника экономически — как это было с СССР и его союзниками по социалистическому лагерю. Все эти этапы проходят в предельно ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества: прежде всего это сетевые структуры, нейрпрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ.

К *пятой* характеристике «цветных революций» относится создание с использованием технологий сетевого маркетинга, безлидерских движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием «вырваться» из размеренной повседневности, следуя принципу «чтобы было, что вспомнить».

Как пишет П. Ильченков, «отсутствие единого открытого руководства

¹¹ О. Ф. Фефелова. Революционные трансформации на постсоветском пространстве в контексте развития политического процесса. С. 18

позволяет этим движениям обрести высокую степень неуязвимости, позволяет собрать под одним флагом необъединимое любым другим способом число сторонников. Эта партия-голем может быть разбужена в момент «Х» при появлении необходимости вывести народ на улицы для проведения массовых акций гражданского неповиновения. А по достижению целей переворота может быть полностью ликвидирована посредством встроенного механизма самоуничтожения, мешающего этим массовым, но безголовым партиям превратиться в реального политического игрока. Механизм самоуничтожения скрывается в постыдной и скрываемой до победы переворота тайне их возникновения и финансирования, а также в исключительной широте спектра участников, которые могут примириться лишь до момента победы над ненавистным диктатором, а вот «светлое будущее» представляют совершенно по-разному»¹². Таковыми были движения «Отпор» (Сербия), «Сксела», «Бекум» (Армения), «Кмара» (Грузия), «Движение 6 апреля» (Египет) и др. Собственно такими представляются «Движение-31», «Стратегия-31», «Солидарность» или «Лига избирателей» в современной России.

Шестое отличие ЦР от классических революций заключается в том, что так называемый момент «Х» связан либо с выборами, либо с требованиями их досрочного проведения. Выборы — это именно то событие, которое позволяет оппозиции вывести максимально возможное количество недовольных на улицу. Причем подготовка к этому начинается задолго до самих выборов и осуществляется, как правило, по двум сценариям. Первый — если выборы еще не объявлены, существующий режим объявля-

ется нелегитимным и диктаторским. В случае проявления им слабости, следует требование отставки руководства страны, происходит формирование переходного правительства и объявление внеочередных выборов (Тунис, Египет). Если же режим, поддерживаемый большинством населения, не сдастся, то на авансцену выступают вооруженные бандформирования, активно поддерживаемые из-за рубежа (Ливия, Сирия).

Второй сценарий используется в ходе очередной предвыборной кампании. В этом случае задолго до выборов «революционеры» заранее обвиняют власти в фальсификации ее итогов и заявляют о своей победе. Развитие этого сценария предусматривает как минимум два способа смены режима: *мирный* и *относительно мирный*. *Мирный* — отмена Конституционным судом итогов выборов и переголосование (Украина). *Относительно мирный* — переход полицейских сил на сторону оппозиции в ситуации, когда армия и другие силовые структуры занимают нейтрально-выжидательную позицию; далее следуют захват и даже поджог зданий парламента или ЦИКа и наконец изоляция или арест прежних руководителей страны (Сербия, Грузия, Киргизия).

Седьмой особенностью ЦР является совершенно новая, в отличие от классических революций, роль внешних сил. Они не только финансируют организаторов революции в течение нескольких лет до ее осуществления (что, как известно, имело место в России начала XX века, а также в странах Латинской Америки и Ближнего Востока в 1960—1970-е годы). Новая роль внешних сил проявляется уже в открытом и публичном задействовании концепции «мягкой силы», происходящем открыто и публично. Кроме того, внешние игроки (США, страны НАТО, ЛАГ) «присваивают и активно используют статус верховного арбит-

¹² П. Ильченков. «Экспресс-революция» в Сербии. — «Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека». СПб., 2008. С. 61.

ра, определяющего легитимность»¹³ режима. Например, объявляют легитимными действия оппозиции, даже если они нарушают закон; соответственно, действия власти по своей защите априори оказываются нелегитимными.

Проявляется и открытое вмешательство во внутренние дела страны-мишени сначала на экономическом и политическом уровне, включая (если в том возникает необходимость) и военные средства. Внешняя сторона берет на себя организацию переговоров власти и оппозиции и участвует в них не в качестве нейтрального посредника, но на стороне последней. Используется и метод прямых ультиматумов действующей власти, с учетом зависимости правящей элиты от этих внешних сил (вклады в банках, недвижимостью за рубежом).

Далее, внешние силы тесным образом работают, «подкармливают», пестуют часть старой элиты, ранее находившуюся у власти, но затем, после отставки, перешедшую в оппозицию. У этой оппозиции в лице бывших министров есть союзники в числе министров нынешних, которые в решающий момент могут перейти на сторону оппозиции. Наконец, внешние игроки четко следят за тем, чтобы в случае победы «революционеров» геополитическая и геоэкономическая ориентация произошла в пользу той внешней силы, которая финансировала и легитимировала ЦР.

Цвета и символы «цветных революций»

Особую роль в «цветных революциях» играют собственно цвет и символы, так как именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербаль-

ной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики (предсознание и подсознание). Политтехнологи прекрасно понимают их значение, а потому выбор «красной розы» или «красного тюльпана» в качестве символа революции вовсе не оказывается случайным.

Во-первых, знаковые системы продуцируют простые (архаичные) генеральные эмоции (например, ярость, отвращение, блаженство, страх), которые подавляют или возбуждают волевые действия. Главное — они не стимулируют целенаправленную деятельность. Соответственно, в войне, социальной или религиозной революции роль знаковых систем оказывается хотя и не определяющей, но весьма значительной, так как они формируют эмоциональный настрой масс. Более того, в отдельных элементах стратегии (психическая атака) от них может зависеть исход всей операции.

Во-вторых, знаковые системы актуализируют социальный опыт (личный, родовой, этнический, конфессиональный, сословный, национальный) и вызывают тем самым отклик, который побуждает к самоидентификации, к выбору и, наконец, к поступку. Таким образом, символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени.

Как отмечал К. А. Черемных, если сообщество (религиозная структура, этнос, нация) консолидируется под воздействием внешнего игрока, то есть манипулируется к консолидации, семантическое оформление этого акта зависит от целенаправленного субъекта и от характера управления, которое может быть прямым, опосредованным или косвенным. Причем даже при опосредованном управлении субъект манипуляции

¹³ С. Марков. Цветная революция — это новый тип политических технологий по смене политической власти.

не заинтересован в возникновении дополнительного идентификационного поля. Соответственно, наличие или отсутствие такого элемента, как клятва, присяга, в семантическом инструментарии революции может быть как индикатором ее субъектности, так и, напротив, суррогатности¹⁴. Следует отметить, что дискурс «подлинности революции» вносится субъектом в мыслящее пространство объекта вполне целенаправленно, что очевидно, например, при сопоставлении сербского, украинского и египетского опыта.

Еще одно важное уточнение относительно роли и значения зрительных образов. Зрительный опыт, как и обонятельный, вкусовой, тактильный и элементарный звуковой, является более архаичной структурой в сравнении с опытом вербальным. Именно поэтому воздействие на зрительный анализатор, особенно в сочетании с элементарными звуками, более инструментально и эффективно для навязывания желаемого поведения индивиду или массе, чем вербальное воздействие. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях ЦР активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круге на черном фоне — символ белградской «революции», который впоследствии использовали на Украине, в Киргизии, Египте) или зрелища: шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях.

Зрелище — особо важный, но и более сложный в сравнении с символической технологический прием. Он продуцирует коллективное чувство — синтонию, формирующее новое качество отношений между объектами

воздействия, то есть зрителями. Кроме того, ролевое зрелище (например, театр, кино, акты самосожжения, передаваемые по социальным сетям) дополняет синтонию самоидентификацией с героем или усвоением страсти героя. В результате «завороженность» конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие современных технологий позволяет серьезным образом усилить эффект невротической синтонии. Например, сформировать или усилить ощущение ущербности собственной истории, своей страны, национального опыта. Именно этот прием практиковался в перестроечные годы посредством разного рода публикаций, уничижающих и уничтожающих опыт нашей страны, фильмов, типа «Покаяние» или «Так жить нельзя». В современных условиях внедрение коммуникативных программ быстрого общения (форумы, социальные сети, живые журналы, блоги и т. п.) серьезным образом повышает внушаемость. Это происходит, в частности, потому, что в реальности люди начинают переходить на «птичий язык», свойственный виртуальности, — наступает так называемая *деградантная синтония*.

Многие психологи, психоаналитики, эксперты по сетевым структурам обращают внимание на то, что внедрение «YouTube» и «Flickr» создает безграничное пространство деградантного «живого театра», «GoogleMaps» — топографическую прозрачность («живой тир»), «Facebook» — «несмываемую» фиксацию персональных данных, «Twitter» — деградантный язык «словесных жестов». Все это вместе создает беспрецедентно благоприятные условия для управления поведением в массовом масштабе, если, конечно, субъектом манипуляции ставится такая задача.

Современные средства коммуникации стали одними из важнейших

¹⁴ См., например: **К. А. Черемных**. Квазирелигия деградации. — www.globoscope.ru/content/articles/2902/ и далее по ссылкам.

средств подготовки и осуществления «цветных революций», прежде всего в силу того, что позволили активизировать зрелищную сигнальную семантику. Так, «YouTube», который является третьим по количеству посетителей сайтом в мире (в январе 2012 года ежедневное количество просмотров достигло 4 миллиардов), позволяет мгновенно распространять по мобильной связи подлинные, ретушированные или просто сфальсифицированные видеосюжеты, возбуждающие в сенсibilизированном обществе генерализованные реакции ужаса, переходящего в яростное неприятие заведомо указанного виновника. В роли последнего, как правило, выступают политический лидер или члены правящей партии.

Роль «запала» «арабской весны» в Тунисе и Египте, как известно, сыграла «эпидемия» самосожжений с немедленной героизацией жертв в сетевых медиа. Правда, созданию «кумиров» предшествовала длительная подготовка исламского общества к восприятию самоуничтожения как подвига, что явно противоречит канонам ислама; но это — предмет отдельного разговора. Применительно же к технологиям ЦР важно, что методологически побуждение к самоуничтожению числилось в рецептуре перехода «от диктатуры к демократии» Дж. Шарпа под пунктом 158 — «Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т. п.)» еще с 1973 года, когда были написаны принесшие столько бед его «Методы ненасильственного сопротивления»¹⁵.

Очень четко роль сетей в событиях «арабской весны» разъяснил М. Джойс, издатель сайта «Meta-Activism». Акты самосожжения — это «наглядно и это шокирует... Что сделало истории Буазизи, Саида и аль-Хатиба резонансны-

ми? Их необыкновенная брутальность, причем *брутальность, видимая на фото- и видеоснимках сразу после происшедшего. Это... произвело висцеральный* (то есть вплоть до ощущений во внутренних органах. — Е.П.) эмоциональный эффект. Увидеть эти картинки — куда более чувствительно, чем о них услышать, и уже испытываемый гнев против режима достигает *лихорадочной амплитуды*». Кроме того, М. Джойс указывал на значение факта массовой осведомленности в развитии революционных событий: «Благодаря цифровым средствам огромное количество людей соприкоснулось с этими историями. Даже десять лет назад эти истории тронули бы только небольшое число людей — знакомых или соседей, но не мобилизовали бы целые общества. Сегодня это возможно. Секрет прост: *образ говорит сам за себя, и в мире, где кусочек контента является заразительным, это все, что требуется... В этом состоит ключевой переход от аполитичного мировосприятия к политическому: статус-кво становится более нетерпимым, чем риск его изменения* (курсив мой. — Е.П.)»¹⁶.

Большое значение имеет также воздействие фактора цвета. Цвет, выбранный государством для своего флага или сообществом религиозных и социальных революционеров для своего знамени, содержит историческую аллюзию и/или ценностную составляющую, которая является не дополнительным средством, а принципиальным рычагом выбора и мобилизации.

В случае разработки цветового символа внешним субъектом его функция является дополнительной, поскольку он предназначен для решения кратковременных задач — смены политического режима и не более того. Если

¹⁵ См. G. Sharp. The Methods of Non-violent Action. Boston, 1973.

¹⁶ M. C. Joyce. Stories of Mobilization. — www.meta-activism.org/2011/06

операция оказалась успешной, тот же цвет может быть использован в других странах. Например, позаимствованный после украинских событий *оранжевый цвет* в 2005 году был успешно использован на выборах в Румынии командой Траяна Бэсеску. Тот же цвет был использован оппозицией в Азербайджане. Однако после узбекского провала (андижанские события 2005 года) произошло «выцветание» украинского символа.

Тем не менее оранжевый цвет сыграл колоссальную роль. Притягательность украинской «революции» была обеспечена именно цветом. Дело в том, что оранжевый цвет — особый. Например, великий немецкий поэт Гете, который делом своей жизни считал разработку теории цвета, считал оранжевый цветом теплоты и блаженства, раскаленного жара, пекла, накала. Активная сторона оранжевого цвета связана, по Гете, с его высочайшей энергией: «...достаточно пристально посмотреть на вполне желто-красную поверхность, чтобы показалось, что этот цвет действительно врезался в наш глаз... Он вызывает невероятное потрясение»¹⁷, как бы входит, вонзается в тело. И в этих замечаниях Гете не одинок: ученые отмечают активность этого цвета, его возбуждающий, успокаивающий эффект.

Символические значения *красного* многообразны и противоречивы. Однако в этом многообразии каждый может найти что-либо пригодное именно для себя. Так, с одной стороны, красное символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни. С другой — вражду, месть, войну. Например, красный цвет знамени символизирует бунт, революцию, борьбу. Интересно, что у многих племен Африки, Америки и Австралии воины, готовясь к схватке, раскрашивали тело и лицо в красный

цвет, а карфагеняне и спартанцы во время войны носили красную одежду. В Древнем Китае повстанцы называли себя «красные воины», «красные копья», «красные брови»¹⁸. Красное обозначает также власть, величие. Так что красный цвет гвоздик (Португалия, 1974 год), роз (Грузия, 2003-й), тюльпанов (Киргизия, 2005-й) — не случайный выбор.

Белый цвет пыталась использовать в агиткампании периода первой оппозиции Ю. В. Тимошенко, однако он не сыграл политической роли. Актуализация белого цвета в 2011 году в России связана с разными причинами. Это и перекличка с цветом полосы государственного флага, и исторические аллюзии (*Белая гвардия*, *белые* как представители буржуазии), и религиозные (сакральные) смыслы (белый цвет имеет положительные коннотации во всех религиях). Кроме того, белый цвет символизирует чистоту, незапятнанность, добродетель, радость. С белизной связано представление о явном, общепринятом, законным, истинном. Так что использование белого цвета могло послужить притягательным, объединительным сигналом для представителей совершенно разных социальных групп и взглядов. Для создания партии-голема иной цвет подобрать было бы сложно.

Исследуя цвето-символическую атрибутику ЦР, следует обратить внимание не только на плоскую графику, но и на ботанические образы, которые присутствовали во всех «цветных революциях». Лишь в Белоруссии протестные движения пытались использовать образ редкого животного — зубра, но, как известно, безрезультатно. Если плоская графика, самым ярким примером которой служит кулак в круге, который может быть на черном или красном фоне, содержала элемент,

¹⁷ И. В. Гете. К учению о цвете (хроматика). — «Психология цвета». М., 1996. С. 325.

¹⁸ См. там же.

действующий на подсознание диктатора, а также «заряжала» социально-пассивные массы при тиражировании на футболках, кепках, флагах и листовках, то растительные символы означали жизнь, развитие, рост оппозиционного движения. Причем применительно к стране-мишени всегда имела место детальная проработка смыслового наполнения конкретного символа.

Например, грузинская *красная роза* была одновременно и национальным цветком, ассоциировавшимся с полотнами выдающегося художника Нико Пиросмани, и символом (шпы) защиты от «оккупанта» — России. Иными словами, образ воздействовал на все категории: от влюбленных до политиков, от националистов в самом правильном смысле этого слова до русофобов — все смыслы лежали на поверхности. С киргизским символом было сложнее. До конца 2004 года в аналитических структурах шел спор о том, какое растение должно стать символом *созревшей* оппозиции. Специалисты рекомендовали желтый тюльпан. Однако киргизские оппозиционеры забраковали эту идею: желтый тюльпан — символ разлуки. В результате был согласован красный цвет.

Аналитики, в частности К. Черемных, который и поделился с нами своими данными, видят в этом решении следующий подтекст. Дело в том, что *красный тюльпан* — это «слишком турецкий» символ, который именно поэтому и был выбран в качестве знака ЦР. Оказывается, праздник тюльпанов в Турции связан с традицией дарения этих цветов султану младшими женами (желающими родить наследника). Иными словами, этот цветок есть образ уже не наложницы, но еще не жены в сегодняшнем имперском «гареме», то есть вдохновляет переходное государство и в то же время ставит его на место.

Жасмин, вначале предложенный для Туниса, затем окрасивший другие

«арабские революции», в традиционной литературе означает выражение признания в любви (не обязательно взаимной), в Великобритании — символ девичьей скромности, робости. В современной литературе большинство ссылок дается на эротические ассоциации раскрытия цветка. В частности, аромат цветов жасмина обостряет восприятие и повышает чувствительность. Именно поэтому жасмину приписывают эротизирующее действие. Он усиливает чувственность и считается «женским» ароматом. Как известно, Клеопатра соблазняла Антония именно жасминовым маслом. Как нам представляется, жасмин стал умиротворяющим символом революции, призванным скрыть ее истинные мотивы.

Аналогичная процедура мыслилась и с символом египетской революции. *Лотос*, как символ протестного движения на берегах Нила, также имеет множество трактовок. Например, в тибетском значении — это чистота и целомудрие (как антитеза коррупции). В древнеегипетской мифологии с образом лотоса связывалось творение, рождение и Солнце как источник жизни. «Этот великий цветок распустился, поднявшись из глубин первичных вод, и вынес на своих лепестках бытие, воплощенное в образе солнечного божества, золотого младенца: из лотоса рождается бог Солнца Ра. Восходящее Солнце также часто представляли в виде Гора, который поднимается из лотоса, олицетворяющего Вселенную. Цветок лотоса мог служить тронном Осириса, Изиды и Нефтиды»¹⁹. Лотос символизировал обновление жизненных сил и возвращение молодости, ибо, по воззрениям египтян, старый бог умирает, чтобы возродиться молодым. Изображение умершего, держащего цветок лотоса, говорит о воскрешении из мертвых, пробуждении в духовном плане.

¹⁹ Лотос. — www.newacropol.ru

Как символ процветания и плодородия лотос был атрибутом мемфисского бога растительности Нефертума, который изображался юношей в головном уборе в виде цветка лотоса. Таким образом, с древнейших времен лотос ассоциировался с верховной властью: он являлся символом Верхнего Египта, а скипетр египетских фараонов выполнялся в виде цветка лотоса на длинном стебле.

В свою очередь Е. П. Блаватская, прошедшая оккультное посвящение в Египте, однозначно ассоциирует лотос с началом жизни: «лотос символизирует жизнь человека, как и Вселенной». Его корень, погруженный в илистую почву, олицетворяет материю, стебель, тянущийся сквозь воду, — это душа, а цветок, обращенный к Солнцу, является символом духа. Цветок лотоса не смачивается водой — так же, как дух не пачкается материей, поэтому лотос олицетворяет вечную жизнь, бессмертную природу человека, духовное раскрытие. Современные авторы указывают и на свойства афродизиака, и на купание Клеопатры в ванне из лотоса. Автор «Женской энциклопедии» Б. Уокер нашла интерпретацию связи символики лотоса с воскрешением женщины: по ее версии, лотос — «плод в матке, труп в земле и бог в богине»²⁰.

Уместно предположить, что «революционным» египетским интеллектуалам был интереснее миф о Нефертуме, «раскрепощающейся женщине» Востока (трактовка Б. Уокер). После революционное большинство египтян предпочитает называть февральский переворот «революцией гнева», а не «революцией лотоса». Очевидно, формирование образа в западных «фабриках мысли» и его навязывание конкретной аудитории не всегда может привести к ожидаемым результатам.

По всей видимости, «белые ленточки» в России тоже не прижились.

Промежуточные итоги

Очевидно, что раскрыть все детали таких современных технологий смены политических режимов, как «цветные революции», в рамках одной статьи невозможно. Важно зафиксировать основные их характеристики.

Итак, революция в классическом понимании требует сочетания, как минимум, трех необходимых условий. Во-первых, должны быть не только социально-экономические, но и политические предпосылки революционной ситуации. Во-вторых, революция невозможна без организации, финансового обеспечения и манипуляции информационными потоками. И наконец последнее в перечислении, но не последнее по важности: революция невозможна без идеологии, нового социального проекта.

В революционных потрясениях новейшего времени комплекс факторов, необходимый для естественной революции, не представлен. Однако огромную роль (причем по нарастающей) играет финансовая и организационно-информационная поддержка антисистемным силам из-за рубежа. При этом давлению подвергаются режимы лишь тех стран, в ресурсах, стратегическом или геополитическом положении которых заинтересован Запад. Иными словами, «цветные революции» инициируются в тех регионах, которые попадают в орбиту интересов ведущих игроков мировой системы.

Активизация протестных настроений в России по итогам выборов в парламент 4 декабря 2011 года и президентских — 4 марта 2012 года, хотя и имеющих объективные причины недовольства, соответствует логике «цветных революций». О заинтересованности западных стран, как офици-

²⁰ Б. Уокер. Женская энциклопедия. Символы, сакралии, таинства. М., 2005. С. 543.

альных лиц, так и негосударственных структур, в дестабилизации ситуации в нашей стране говорят очень многие факты — начиная от активной поддержки посольством и лично новым послом США М. Макфолом представителей протестных движений и заканчивая финансированием целой серии специальных «обучающих демократии» программ.

Фактически на наших глазах происходит активизация борьбы за миро-

вую гегемонию, средства и технологии ведения которой, правда, серьезно модернизированы. Одними из них и являются «цветные революции». Предотвращение дестабилизирующего эффекта ЦР нам видится в задействовании технологий, аналогичных по своему характеру «цветным». Особое внимание следует уделить применению «мягкой силы». Об этом пойдет речь далее. ◆

(Продолжение следует)